

ЧЁРТОВО НАСЛЕДСТВО-2

МАРИНА СЕВЕР

Марина Север

Чёртово наследство - 2

«Автор»

2026

Север М.

Чёртово наследство - 2 / М. Север — «Автор», 2026

Марина и Максим остались в пансионате, чтобы найти неизвестного дарителя и вернуть ему непрошеное наследство. Но вскоре там снова начинаются страшные происшествия: двое мужчин захлебнулись водой, не входя в озеро, а их тела превратились в желе. В лесу найден огромный кокон с трупом мужчины, будто сплетенный гигантским пауком. И это только начало. Марина узнает, что за смертью двух мужчин стоит Наяда — страшное существо, которое кто-то призвал. Но кокон — не ее работа. Кто-то еще охотится в этих лесах. Удастся ли Марине достать все необходимое для изгнания Наяды и провести сложный ритуал? Ведь пока Наяда в образе прекрасной девушки соблазняет мужчин, смерти не прекратятся.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Север

Чёртово наследство - 2

Пролог

Сырой, промозглый мрак подземелья обволакивал Марину, пробирался под одежду, касаясь своими холодными пальцами голых плеч. Воздух здесь был тяжелым и старым: он пах вековой плесенью, прелой землей и странным запахом застоявшейся воды, который бывает только в глубоких склепах. Под ногами был влажный бетон — скользкий и холодный. Откуда-то тянуло леденящей стужей. Она пробиралась под кожу, водила невидимыми пальцами по телу до колючей дрожи.

Коридор казался бесконечным. Все пространство утонуло в этой тьме. Марина казалось, что она шла сквозь него уже целую вечность. Редкие потолочные лампочки роняли скупой свет через каждые десять-пятнадцать шагов. Они напоминали тусклые глаза умирающего чудовища. Каждая вспыхивала вялым сиянием, выхватывая из темноты небольшое пятно пола, по которому она шла, кусок склизкой кирпичной кладки или скомканные пряди старой паутины, которая свисала с потолка и цеплялась за волосы, оставляя на лице клейкие противные нити.

Было так тихо, что Марина слышала лишь стук собственного сердца. Оно билось в такт ее шагам. Девушка ступала медленно, прислушиваясь к каждому шороху в этом странном незнакомом месте. Она пыталась считать шаги, чтобы сохранить рассудок, но цифры давно сбились, превратившись в полную кашу в голове.

Внезапно далеко впереди, там, где коридор делал плавный поворот, тусклое пятно света дрогнуло. Пространство исказилось, выплюнув из себя чужой силуэт. Это была тень. Она мелькала в свете тусклой лампочки, металась из стороны в сторону. Вряд ли это можно было назвать игрой воображения.

Страх ударил под дых, воздух в легких закончился, ноги стали ватными. Горло сжало спазмом. Инстинкт приказывал развернуться и бежать, спастись от этой неизвестности. Но ноги сами шагали вперед, навстречу чужеродной тени. Каждый шаг давался с трудом, подошвы сандалий буквально прирастали к полу.

Чем ближе она подходила, тем отчетливее проступали очертания фигуры. Человек стоял спиной к ней, полностью перегородив узкий проход. На нем было длинное бесформенное одеяние из тяжелой ткани цвета воронова крыла. Казалось, что этот балахон был соткан из самой тьмы. Плечи незнакомца мелко подрагивали, а голова была так низко опущена к груди, что фигура выглядела неестественно сгорбленной. Лица не было видно. Угадывался только силуэт, по которому невозможно было понять, мужчина это или женщина. Все тело было скрыто под бесформенной темной накидкой. От человека веяло могильным холодом, пробивающимся сквозь одежду.

— Эй! — собственный голос показался Марине чужим, хриплым как у простуженного человека. Слово сорвалось с губ и тут же утонуло в узком коридоре возле небольшого помещения, где стоял неизвестный. — Кто вы?!

Фигура не шевельнулась. Ни единый мускул не дрогнул под черной тканью. Незнакомец продолжал стоять неподвижно. Где-то неподалеку капли воды монотонно отбивали свой жуткий ритм. Девушка сделала еще три неуверенных шага. Расстояние сократилось до нескольких метров. Теперь отчетливо была видна ткань балахона — черное грубое сукно, покрывающее тело человека до самого пола, и капюшон, который скрывал голову.

Сердце сжалось в тугую, пульсирующий комок. Оно больше не билось в грудной клетке, оно замерло, пойманное в стальные тиски животного ужаса. Кровь отхлынула от лица.

Марина протянула руку, чтобы коснуться спины незнакомца и заставить его обернуться. Ей отчаянно нужно было увидеть его лицо. Но рука остановилась на полпути. Девушке казалось, коснись она его — и он окажется тем, кто дал ей свою кровь. Тот, о ком она не вспоминала целый год.

Человек что-то делал на небольшом столе, где стояли черные свечи. От них и шел тусклый свет, отбрасывающий темные тени. Неожиданно незнакомец замер, будто почувствовав за спиной постороннего.

Наступила тишина. Ее нарушало лишь мерное капанье воды. Человек медленно поднял голову и втянул носом воздух. Марина почувствовала, как в венах забурлила кровь: огонь пробуждался. Девушка отступила назад. Она старалась не шуметь, но в тишине коридора отдавался каждый ее шаг. Еще один шаг — и в этот момент человек повернулся и уставился на нее. С обезображенного лица клочьями свисала кожа, из ран сочилась кровь.

В глазах Марины потемнело, и мир перевернулся.

Глава 1

День выдался жарким. Территория утопала в зелени. В середине июня сад утопал в цветах. Величественные гортензии, прекрасные ароматные розы, анютины глазки, растущие в кашпо и, конечно же, бархатцы вдоль дорожек.

С тех пор, как здесь вновь побывали сотрудники правоохранительных органов, прошло несколько дней. Старший был недоволен ранним вызовом, да и случай был странным. Ровно в шесть утра поступил звонок в дежурную часть. Женский голос кричал в трубку, что в озере на территории «Тихой Гавани» утонула девушка. Узнав все детали, дежурный, парень по имени Константин, принялся звонить в кабинет, где сегодня оставался работать Максим.

— Слушаю, — охрипшим голосом сказал Максим.

— У нас вызов, — сообщил дежурный.

— Куда?

— В пансионат «Тихая Гавань», — осторожно ответил Константин.

— Черт! — выругался Максим и, нацепив кобуру, вышел из кабинета.

Внизу дежурный проводил его печальным взглядом. Весь отдел знал, что их новый опер проживает со своей женой в этом чёртовом пансионате. К тому же выяснилось, что именно его жена является полноправной владелицей этого спа-отеля.

На своей машине он за пятнадцать минут добрался до нужного места. На улице уже стоял охранник. Увидев машину Максима, он открыл калитку и выпустил почти бегущего парня. По пути Максим пытался дозвониться жене, но та не брала трубку. Сердце заколотилось в бешеном ритме. Но подбежав к их домику, он увидел жену, сидящую на веранде. На плечи она накинула плед, но ее все равно бил озноб. Увидев Максима, Марина бросилась к мужу.

— Что случилось? Ты почему трубку не берешь?

Марина прижалась к теплому телу супруга и ее плечи тихо подрагивали в плаче. Девушку трясло, хотя на улице было тепло. Солнце начало подниматься, освещая первыми лучами территорию пансионата.

— Инга, она... там...

— Где там? Объясни, что случилось? Ты вся дрожишь. На тебе лица нет.

В этот момент со стороны ворот через калитку забежала Ирина Андреевна, управляющая. На девушке была майка в обтяжку, спортивные короткие бриджи, волосы собраны в тугий хвост, а в ушах наушники. Она остановилась возле охранника, который что-то говорил и показывал в сторону их домика.

Девушка побежала в сторону домика. Добравшись до веранды, она с беспокойством оглядела мокрую Марину, накрытую пледом, с бледным лицом и трясущимися руками, нахмурилась и спросила:

— Что случилось?

— Инга, наша соседка по домику, она утонула.... Я пыталась ее спасти, ныряла, но не нашла.

Девушка вновь заплакала, а Максим, наконец поняв, что произошло, вызвал скорую и позвонил старшему оперу Илье Васильевичу. Нужно было вызывать водолазов и самим осмотреть все вокруг. И поговорить с Федоровым, тем мужчиной, с которым Инга приехала в пансионат.

Ирина Андреевна тоже куда-то звонила, а потом скрылась за дверями пансионата. Марина все так же сидела на веранде.

— Надо Федорову сказать, что Инга утонула, — тихо сказала Марина, когда супруг сунул ей в руки кружку с горячим чаем.

— Я схожу к нему потом, а сейчас дождусь, когда наши приедут. Ты же понимаешь, у себя на территории мне не разрешат вести никаких дел.

Марина вяло кивнула, а потом вновь посмотрела на Максима и тихо заплакала. Максим присел рядом и обнял девушку.

Через полчаса приехали два человека из отдела Максима и скорая помощь. Все ждали водолазов, чтобы исследовать озеро.

— Не приедут, — сказал водитель фельдшеру скорой помощи. — В это озеро никто не хочет входить. Местные боятся из-за легенды.

— Приедут, — ответил фельдшер. — Куда они денутся?

Марина покосилась на них, но ничего не сказала.

Илья Васильевич сдвинул брови и, достав из папки лист бумаги начал, опрашивать Марину, а Максим пошел к озеру. Он долго смотрел на это круглое блюдце с водой, сверкающей на солнце, и даже не заметил, как к нему подошла управляющая.

— Сейчас пансионат начнет просыпаться.

Максим от неожиданности вздрогнул и посмотрел на девушку. Она уже переоделась и стояла в черной юбке и белой блузке, как и положено сотруднице элитного заведения.

— Хорошо. Ждем. Не хочется пугать Федорова спозаранку плохими новостями.

Ирина Андреевна кивнула.

— Странно, — сказала девушка после недолгого молчания, — зачем она пошла на озеро?

— Марина сказала, что она была сама не своя. Не слышала ничего, просто шла. А потом вошла в воду и утонула. Странно...

Максим покосился на управляющую, которая смотрела на водную гладь.

— Ничего странного. Бывает.

Парень открыл было рот, чтобы ответить, но его позвал Илья Васильевич.

Старший оперуполномоченный с серьезным лицом постучал в дверь соседнего VIP-домика. Прошла пара минут, прежде чем послышались шаги, и громкий мужской голос с хрипотцой крикнул:

— Кто там еще? Дайте же нам поспать.

— Нам? — в удивлении поднял брови Илья Васильевич.

Он поднял было руку, чтобы вновь постучать, как дверь распахнулась, и они увидели, что прежде ними стоит... Инга. Её узнал Максим, старший опер не знал, как выглядела девушка.

— Вы? — удивленно сказал Максим, и его нижняя челюсть слегка оттянулась вниз.

— Вы кто? — спросил Илья Васильевич.

— Что значит кто? Я Инга Николаевна. А вы кто и почему так рано ломитесь в нашу дверь? Я буду жаловаться управляющей.

В этот самый момент подошла Ирина Андреевна. Лицо девушки вытянулось в удивлении. Ей совсем недавно сказали, что их постоялица Инга утонула в озере, а она стоит в дверях своего VIP-домика с недовольным лицом. А самое главное — живая!

— Что происходит?

За спиной молодой девушки показался сам Федоров, обмотанный в шелковую простыню.

— Степан Петрович, — начала Ирина Андреевна, — прошу простить нас, но нам показалось, что ваша... ммм... дама ходила на озеро. И как показалось... ммм... не смогла выплыть.

Инга сложила руки на груди и в упор уставилась на управляющую. Федоров обескуражено смотрел то на свою даму, то на управляющую, то на полицейский.

— А это, по-вашему, кто? — наконец придя в себя, недовольно проговорил Степан Петрович.

— Это Инга Николаевна, — ответила управляющая.

— Я думаю, на этом все, господа. Моя дама сердца жива и здорова. Возможно, вы видели кого-то другого. Так что оставьте нас, чтобы мы смогли спокойно доспать. Еще так рано...

Он развернулся и ушел в домик, а Инга осталась стоять на веранде.

— Извините нас, — быстро ответила Ирина Андреевна и, развернувшись на своих каблучках, пошла в сторону пансионата, качая при этом головой.

— Прошу прощения за беспокойство, — сказал Илья Васильевич и направился в сторону соседнего домика, где сидела Марина.

Максим все еще не мог поверить, что жена так ошиблась. У нее бывают странные сны, но чтобы ей привиделась утопающая и она бросилась в озеро ее спасать — это уж слишком странно. К тому же мокрая одежда подтверждала: Марина действительно была в воде.

Максим сверлил взглядом Ингу, несостоявшуюся утопленницу, которая смотрела на него и насмешливо улыбалась. И вдруг ее бледная кожа будто подернулась рябью, как водная гладь под ветром. Это было едва заметно, и Максим сначала решил, что ему показалось. Девушка спохватилась и, войдя в дом, начала закрывать дверь. В этот момент Максим увидел: ее улыбка превратилась в злое оскал.

Дверь перед парнем захлопнулась, послышались шлепающие шаги. Максим постоял еще несколько секунд, собираясь с мыслями, и повернулся, чтобы вернуться к Марине, когда его взгляд зацепился за предмет, лежащий у входной двери. Он присел на корточки и протянул руку. Это был небольшой пучок водорослей, а рядом — небольшое мокрое пятно от воды, которое еще не успело высохнуть до конца. Максим поднял водоросли и завернул в платок.

На веранде домика сидела Марина, а напротив — Илья Васильевич. Мужчина был недоволен. Казалось, он готов был испепелить девушку взглядом. Ложный вызов — это вам не шутки. Когда Максим подошел, Илья Васильевич недовольно спросил:

— Давыдов, ты мне скажи, вот какого черта вы сюда приперлись? Ну что вам не жилось в своем городе? Стоило вам приехать, как здесь начались происшествия. Раньше мы сюда приезжали не чаще пары раз в год, а теперь — два раза в месяц, а то и три. Чем вы тут занимаетесь, мать твою?!

Последние слова Илья Васильевич буквально выплюнул в парня с такой злостью, что Марина вздрогнула. Ей уже сообщили, что постоялица, которую она якобы видела, сейчас находится у себя, жива и здорова. Нет и намека на то, что она тонула. У нее сухие волосы, но она была сонной и злилась, что ее разбудили так рано.

— Но я действительно видела ее, — начала оправдываться Марина.

— Так! — поднял руку вверх Илья Васильевич. — Хватит! Подняли ни свет ни заря. Ладно, хоть группа водолазов не приехала. Теперь придется писать отчет о ложном вызове.

Илья Васильевич поднялся с места и показал пальцем на Максима.

— При чем тебе, Давыдов. Поэтому поехали в отдел. И пока рапорт и отчет не напишешь, домой не уедешь. Я понятно говорю?

Он развернулся и, схватив черную папку со столика, припустил в сторону ворот, где стоял любопытный охранник.

Максим сел рядом с Мариной. Она все еще не понимала, как такое могло быть. Она видела, точно видела, как Инга вошла в озеро, и оно поглотило ее с головой. Девушка не пыталась выплыть наружу, поэтому Марина бросилась ей на помощь, но никого не нашла. Она еще тогда подумала, что девушку унесло дальше, поэтому прекратила свои бесполезные поиски и выплыла наружу.

— Максим, — сказала Марина, подняв глаза на супруга, в них блеснули слезы, — я видела ее так же, как тебя сейчас.

Максим смотрел на жену, а потом, поцеловав ее, ответил:

— Верю. Ты отдыхай, а я поеду писать рапорт. Как закончу, вернусь.

Он улыбнулся, прижал супругу к себе, а потом, спустившись с веранды, пошел вслед за старшим оперуполномоченным Ильей Васильевичем. Парень понимал, его ждет взбучка.

Марина проводила взглядом мужа, а потом медленно повернула голову в сторону соседнего домика, где проживали Федоров и Инга. Шторка на окне легонько дернулась, показалась девушка. Она смотрела в упор, прямо на Марину. Ее лицо было бледным. Инга улыбнулась, и Марина могла поклясться, что за ее губами сверкнули острые мелкие зубки. Шторка еще раз колыхнулась и Инга исчезла из виду.

Марина работала в кабинете, когда услышала за дверью какую-то возню. Она подняла голову и прислушалась. Через несколько секунд послышался осторожный стук.

— Войдите, — сказала она и отложила ручку.

Дверь ее кабинета приоткрылась, показалась голова массажистки Оксаны. Она приезжала не каждый день: только тогда, когда набиралось определенное количество клиентов. Оксана не числилась в штате и не получала зарплату: постояльцы платили ей из собственного кармана. Ее услуги не входили в стоимость проживания.

— Добрый день, Марина Константиновна, — тихо сказала девушка, и голос ее странно дрогнул.

— Здравствуйте, Оксана Алексеевна, проходите.

Посетительница вошла в кабинет и присела на небольшой диванчик. Одета она была в рабочую форму, значит, сегодня у нее прием клиентов.

Оксана Алексеевна была женщиной тридцати семи лет. Среднего телосложения, высокая, с короткой стрижкой. Волосы всегда были уложены так, чтобы не мешали работе. Марина посмотрела на ее руки: ухоженные, с короткими аккуратными ногтями без покрытия. Марина слышала, что женщина была замужем, воспитывала ребенка.

— Оксана Алексеевна, вы что-то хотели? Судя по одежде, у вас сейчас прием? Женщина коротко кивнула.

— Был.

Голос ее дрогнул, и Марина поняла, что что-то не так. Либо с клиентом, либо с ней.

— Вы знаете, Инга хорошая девушка, правда, немного высокомерная, но это не мешает моей работе. Но в ней что-то изменилось.

— Что именно? — насторожилась Марина.

— Она стала злая, дерганая, постоянно просила, чтобы я подавала ей бутылку с водой.

— В каком смысле?

— Ну, она же лежит на животе, а я делаю массаж. И вот она каждый раз соскакивала и говорила, что у меня душно, что она хочет пить. Я удивилась. У меня включен кондиционер. Я всегда спрашиваю клиента, оставить его или выключить. Ведь кто-то просит массаж всего тела и лежит практически голым. У Инги массаж шейно-воротниковой зоны. Можно открыть тело до лопаток. Но девушка полностью разделась, хотя этого не требовалось, и просила включить кондиционер, хотя было прохладно. А потом начала дергаться, просить воды. Я ей раз принесла, два, потом налила в бутылку. Но сеанс у нас так и не закончился. Девушка соскочила, накричала на меня, сказала, что я криворукая, и вылетела из кабинета.

Марина слушала массажистку, руки которой подергивались. Женщина нервничала.

— Оксана Алексеевна, спасибо, что сообщили. Идите, я разберусь с этим.

Женщина кивнула головой и вышла из кабинета.

Марина после той ночи девушку видела только издалека. Им приносили еду в домик, поэтому парочку можно было увидеть только на прогулке по аллее или возле озера, где постояльцев каждый день возили на лодке на середину озера, и те купались в лечебной воде.

Марина не хотела думать о том, что в этом пансионате опять что-то происходит. Федоров со своей пассией поселились здесь на месяц. По словам Ирины Андреевны, этот пожилой мужчина приезжает к ним не первый год. В этот раз он привез с собой взбалмошную девицу.

По словам управляющей, он пару раз был тут со своей супругой, а потом приезжал уже с новой пассией. Марине это не нравилось, но кто она такая, чтобы лезть в чужую жизнь?

Пансионат работал в обычном режиме. Никита Андреевич все так же ездил в деревню под странным названием Пустошь, где покупал молочную продукцию. Ирина Андреевна управляла пансионатом, иногда советуясь с Мариной по разным вопросам. Постояльцы выезжали и заезжали каждый день.

Максим получил нагоняй от начальства в тот день. Он писал рапорт о ложном вызове, указав, что его супруга видела человека, утонувшего в озере. Её попросили собрать списки всех работников и постояльцев, чтобы убедиться, что все на месте, и никто не утонул. Оказалось, что все в порядке.

Светлана Георгиевна, помощница Ирины Андреевны и по совместительству психолог, редко попадалась на глаза Марине. С чем это было связано, девушка не понимала. Может, боялась, или у нее какие-то предубеждения. Марина не расстраивалась по этому поводу.

Однажды, когда в пансионате наступил тихий час, Марина вновь решила спуститься в подвал, в хозяйственный блок. Горничные только что включили стиральные машинки и убежали наверх — у них был перерыв. В течение двенадцатичасового рабочего дня у работников пансионата было три перерыва по тридцать минут. В это время каждый мог заниматься своими делами. Ирина Андреевна считала, что этого было достаточно.

Воздух в хозблоке всегда казался Марине странным, пропитанным застарелой пылью, запахом картона, порошка и мыла. И еще откуда-то тянуло сладковатой гнилью. Еще в прошлый раз Марина просила Никиту Андреевича проверить, откуда запах, но завхоз ответил, что уже все осмотрел, нигде ничего нет. Горничные здесь тоже проводят уборку раз в месяц. Нет ни тараканов, ни крыс, ни мышей. За этим строго следили. Все-таки мыло и бумагу потом разносят по номерам постояльцев.

Лампы под высоким потолком монотонно гудели, роняя на бетонный пол яркий свет. Марина медленно обходила стеллажи, заставленные коробками с мягкой туалетной бумагой, вафельными полотенцами и мылом. Она бегло осмотрела стеллажи и вышла из помещения, пройдя туда, где в тени, в самом дальнем углу, была спрятана та самая дверь.

Шаг, еще один — и вот по ногам пробежал прохладный ветерок, которого тут не должно было быть. Ей казалось, что эту дверь нарочно так замаскировали. Никто из персонала сюда не ходит, эта часть крыла почти не просматривается. Персонал сюда не ходит — все необходимое находится в освещенной стороне подвального помещения.

Марина сделала еще несколько шагов. Впереди, в густой темноте, угадывалась та самая дверь. Старая, железная, вросшая в косяк, которая так заинтересовала девушку в прошлый раз.

От двери веяло холодом, который пробирал даже сквозь душный воздух подвала. Из неровной щели внизу пахло чем-то омерзительным: влажной землей и каким-то звериным запахом, от чего к горлу мгновенно подкатывал комок тошноты. Неужели никто этого до сих пор не замечал? Или люди просто боятся заходить в эту часть подвала?

Дверь выглядела чужеродным элементом в пансионате, где каждый гобелен, люстра, напольная плитка стояли в целом состоянии. На ней висела давнишняя паутина, которая превратилась в жесткий серый кокон, усыпанный высохшими насекомыми. Сбоку висел массивный амбарный замок черного цвета, покрытый толстым слоем рыжей ржавчины. Петли, черные от вековой копоти, казалось, навсегда приросли к проему. Марина замерла.

Разум подсказывал развернуться и уйти, но тело не слушалось. Что-то вопреки страху тянуло ее вперед. Она сделала шаг, потом еще один.

Ее ладонь легла на холодный металл. Кожу обожгло мертвенным морозом, идущим из самого сердца железа. Поверхность двери мелко вибрировала, пульсировала под пальцами. Марина задержала дыхание, прижалась ухом к шершавой поверхности, пытаясь уловить хоть какой-то звук из-за этой преграды.

Сначала было лишь глухое биение собственного сердца. А затем из глубины донесся шорох. Едва слышный, царапающий, будто кто-то невидимый медленно шаркал возле двери. Звук был вязким, тягучим, он просачивался сквозь толщу металла. Шорох оборвался, и на смену ему пришел тихий, змеинный шепот. Он звучал совершенно беззвучно, как будто это говорили не за дверью, а в самой голове девушки.

— Я тебя чувствую...

Голос не имел пола и возраста. Он состоял из шелеста опавших листьев, обволакивал сознание липкой паутиной, заполняя все пустоты в голове.

В позвоночнике возникли колющие мурашки, заставляя кожу съежиться от неприятного ощущения. Они стремительно побежали по спине, плечам, шее, поднимая дыбом каждый волосок на коже. Воздух в лёгких закончился. Сердце пропустило удар и сорвалось в панический галоп.

Марина резко отшатнулась. Подошва сандалии поскользнулась на плитке, она начала падать, но успела схватиться за стену. Выпрямившись, развернулась и бросилась прочь.

Она неслась мимо хозблока, мимо стеклянных перегородок прачечной, до самого выхода наверх. Легкие горели, в горле пересохло, но она не издала ни звука,

чтобы не привлекать внимание тех, кто сейчас ходил этажом выше.

Миновав коридор, освещаемый лампами, девушка наконец добралась до спасительных ступеней. Желание обернуться было велико, но Марина знала, что делать этого не стоит.

Лишь когда тяжелая дверь подвала с грохотом отсекла за спиной свет ламп и лестницу, Марина остановилась, жадно глотая воздух. Но мерзкий запах влажной земли и старой ржавчины никуда не исчез. Он как будто преследовал ее до самого первого этажа. Ледяной шепот подземелья до сих пор звучал в голове, сворачивая кровь.

— Я... тебя... чувствую.

Глава 2

Вечер клонился к закату, когда Виталий Георгиевич Сомов, мужчина шестидесяти лет, вышел из здания садика. Он передал свою смену коллеге, но задержался на работе по личным причинам. Заведующая была не против, мужчина часто так делал.

Жил Виталий Георгиевич один в однокомнатной квартире. Жена умерла, детей у них не было, поэтому домой он не торопился. Одиноким, свободным, куда ему спешить? После того, как ушла в иной мир его единственная и неповторимая, Виталий Георгиевич запил. Он и в браке любил приложиться к бутылке, а став вдовцом, и вовсе не просыхал.

Но там были строгие правила, и аморальных личностей не жаловали. Если бы он побрился, постригся, привёл себя в порядок — может, его и взяли бы. Заведующая была строгой, но жалостливая. А сидеть дома и спиваться — лучше уж сразу в могилу.

Виталию Георгиевичу эта мысль понравилась. Он вышел на пенсию, дома было скучно, а так хоть при деле. Заведующая приняла его на должность сторожа: им как раз срочно нужен был сотрудник. Через пару месяцев она поняла, что их новый сторож — любитель спиртного, что недопустимо в детском учреждении. Но замену было не найти, поэтому она пыталась его перевоспитывать. Но Виталий Георгиевич нет- нет, да и приходил с перегаром.

Закончилась смена у Виталия Георгиевича еще утром, но домой идти не хотелось. Он немного навел порядок во дворе: скамейку подлатал, песочницу поправил, да так до вечера и провозился.

Наконец мужчина вышел за ворота детского садика. Впереди выходной, а значит, можно пройти через магазин, купить себе горячительного. Хоть он и пообещал заведующей, что больше ни-ни, но душа просит, тем более в такую хорошую погоду.

Пятиэтажка Виталия Георгиевича стояла рядом с лесом, и каждый раз ему приходилось проходить по дороге вдоль лесополосы. Магазин, в который зашел мужчина, стоял неподалеку от его дома. Взяв колбаски, сыра, минералку и горячительного, он вышел довольный и направился к дому, в котором жил со дня своей свадьбы. Квартира принадлежала супруге, а после ее смерти досталась ему.

Сумерки сгущались медленно. Огромный диск солнца уже коснулся кромки леса, и тени от старых сосен вытянулись вдоль дороги. Воздух после знойного дня остывал, становилось немного прохладнее.

Виталий Георгиевич тяжело переставлял ноги, шаркая по раскаленному асфальту. В правой руке он нес авоську, в которой глухо позвякивали друг о друга две стеклянные бутылки, и его ужин, скромный, но на одного вполне хватит. Тем более это его закуска на сегодняшний вечер.

До панельной пятиэтажки оставалось пройти всего ничего, пересечь небольшую дорожку, обогнуть киоск и свернуть во двор. Мыслями Виталий Георгиевич был уже дома. Представлял, как нарежет хлеб с колбасой и сыром, пожарит картошечку, достанет банку с солеными огурчиками и насладится вечером. Завтра будет время отоспаться, а потом бодрячком выйти вновь на смену.

Он шел по дороге вдоль лесополосы, когда краем глаза уловил движение там, где движения быть не должно.

За сеткой старого покосившегося забора начинался настоящий лес: дремучий, заросший непролазным орешником, высокими соснами, стоявшими вплотную друг к другу. И там, в густеющем мраке между стволами, кто-то блуждал. Это была не собака и не заблудившаяся корова из соседней деревни: слишком дергаными были шаги. Фигура то появлялась в редких просветах, то снова проваливалась в тень, ломая сухие ветки.

Виталий замер посреди дороги. Авоська дрогнула в ослабевших пальцах, бутылки звякнули громко и тревожно. Он прищурился до рези в глазах, всматриваясь в темноту. Сердце, только что спокойно стучавшее в груди, вдруг пропустило удар и заколотилось где-то в горле.

— Эй! — хрипло крикнул он в сторону леса, сам пугаясь собственного голоса. — Кто там? Потерялись?

Фигура за деревом остановилась. На мгновение наступила абсолютная тишина, в которой слышны были лишь крик какого-то ребенка, которого пытались загнать домой, да собственное прерывистое дыхание. А потом из-за шершавого ствола старой сосны вылезла рука, и раздался голос. Тихий, полный такой мучительной мольбы, что отказать было невозможно:

— Помогите.... Ради бога, помогите! Мне совсем плохо. Нога... я встать не могу...

Голос оказался женским, молодым.

— Сейчас, погоди! Я тебе помогу! — крикнул Виталий, решительно шагнув с обочины прямо в высокую траву. Нырнув в дырку забора, где сетка в этом месте была порвана до размеров человека, мужчина шагнул в темный лес, заросший орешником и вековыми деревьями.

Он уходил всё дальше от теплого света окон своей пятиэтажки, погружаясь в сырую пасть леса. Под ногами зашуршало. Запахло грибницей, на душе было почему-то тревожно. Сумерки в лесу превратились почти в ночь. Кроны деревьев сплелись так плотно, что полностью отсекали остатки заката. Виталий шел почти на ощупь, выставив вперед свободную руку, чтобы не напороться лицом на острый сук. Он ориентировался только на этот жалобный, повторяющийся стон: «Сюда... прошу...»

— Где вы? — выдохнул Виталий, чувствуя, как ледяной пот стекает по виску. — Я вас не вижу!

И тут впереди, метрах в десяти, вспыхнули два желтых огня. Два горящих глаза без зрачков. Они висели в абсолютном мраке сами по себе, пристально глядя прямо на него.

Мозг Виталия Георгиевича лихорадочно пытался найти рациональное объяснение. Светоотражатели? Фонарик? Но свет в них пульсировал, сужаясь в вертикальные щели. От этого взгляда веяло тяжелой животной яростью.

— Сюда... — вновь прошелестел голос, утративший всякое сходство с человеческим. Он стал низким, вибрирующим, похожим на скрежет.

Виталий попятился, споткнулся о выступающий корень и взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие. Бутылки в авоське отчаянно зазвенели.

Внезапно оно бросилось на него. Темнота между двумя огнями уплотнилась и рванулась вперед с низким, вибрирующим гулом. Удар тяжелого тела свалил мужчину в мокрый мох. Острые когти, похожие на вязальные спицы, впились в плечи, прижимая к земле с нечеловеческой силой. Перед самым лицом Виталия мелькнул оскал. Что-то защекотало кожу грубым мохнатым ворсом. Казалось, что сразу несколько невидимых рук держали его одновременно. Он не мог ни пошевелиться под этой тяжестью, ни разглядеть нападавшего. Ясно было одно: это не человек. Виталий понял это слишком поздно.

Что-то острое впилось ему в шею. Виталий попытался закричать, но вместо крика из горла вырвалось лишь хрип. Авоська выпала из разжавшихся пальцев. Желтые глаза моргнули, наклоняясь ниже, и лес окончательно проглотил последний хрип мужчины.

Олег Римский в свои тридцать два года ни разу не был женат, не имел семьи и жил исключительно работой. Когда умерла его мать, единственный близкий ему человек, он полностью погрузился в профессию полицейского. Антонина Павловна, мать Олега, очень долго болела. Парень все свободное время посвящал заботе о любимой мамочке. Она воспитывала его одна. Отца он никогда не знал. Антонина Павловна всегда говорила, что он был летчиком и погиб во время испытания. Только с возрастом, когда парень вырос, он узнал, что никакого героя-летчика не было. Мать так говорила, чтобы парень не чувствовал себя безотцовщиной.

В школе Олег учился плохо. Учителя вытягивали его на тройки, и только по физкультуре была твердая пятерка. Мать всегда мечтала, чтобы сын пошел работать на завод, где она сама трудилась много лет, пока болезнь не свалила ее. Олег отучился девять классов с горем пополам, поступил в училище, а после пошел в армию. Вернувшись оттуда, он узнал, что мать неизлечимо больна и ей уже ничто не поможет. Тогда он и пытался свозить ее на то самое чудесное озеро, о котором говорили местные. Правда, парень в это не верил. К тому же эту территорию кто-то выкупил, и для местных жителей доступ туда был закрыт. Там шла грандиозная стройка то ли пансионата, то ли спа-отеля. Развалины, в которых Олег в детстве играл с пацанами, начали превращаться в большое красивое здание. Территорию огородили, поставили охрану. Вскоре туда потянулись первые отдыхающие, явно не бедные.

После армии Олег поступил в институт на заочное отделение и одновременно пошел работать в полицию. В их небольшом городке практически все друг друга знали. Он вырос на редкость красивым парнем — высоким, с темными волосами. Нос с горбинкой, крепкое телосложение, карие глаза. Мать говорила, что внешность ему досталась от деда. Когда он узнал, что его отец — вовсе не погибший летчик, эта тема больше не поднималась. Став взрослым, Олег понял, что с наивными молодыми девушками такое бывает. Он не хотел беречь раны матери, зная, что та сама рассказала бы ему, если захотела.

В школьные годы, да и потом девчонки бегали за ним табунами, но Олег не позволял себе задерживаться допоздна или оставаться с ночевкой у друзей. Он ухаживал за матерью, а ей с каждым месяцем становилось все хуже. Правда, она продолжала ходить на работу, но это ей давалось тяжело. Олег, конечно, встречался с девушками, но это были лишь мимолетные увлечения.

Жили они с матерью недалеко от парка, за которым начинался лес. У них была небольшая двухкомнатная квартира в пятиэтажном доме. Когда мама была еще здорова, она занимала зал, а Олег — спальню. Она любила сына и при первой возможности старалась его приодеть, хотя сама ходила в старых платьях, вышедшем из моды пальто и стоптанной обуви.

Когда парня забирали в армию, он очень переживал, что больная мать останется одна. Но женщина заверила его, что все хорошо и она справится. К тому же соседка, тетя Зина, обещала за ней присматривать.

Когда парень вернулся из армии, на вокзале его никто не встретил. Он встревожился. Дома он застал запустение. В квартире пахло лекарствами и пылью. Соседка по возможности прибиралась, но не могла уделять матери много внимания — у женщины была своя семья. Спасибо хоть навещала мать, покупала ей продукты, да иногда убирала квартиру.

Антонина Павловна сильно похудела. Под глазами появились темные круги, лицо стало болезненно бледным, руки походили на скрюченные ветки. Женщине было всего пятьдесят, но выглядела она лет на десять старше. Когда Олег вошел в квартиру, то сразу же позвал мать, но из спальни, которую теперь занимала Антонина Павловна, раздался какой-то хрип. Парень бросился в комнату — и с трудом узнал в этой больной истощенной женщине свою мать. Он отправил маму в больницу. Диагноз врача был неутешительным: женщине оставалось жить максимум полгода.

Вот тогда-то Олег и попытался свозить мать на озеро, но его не пустили. Парень каждый день смотрел, как его единственный близкий человек угасает с каждым днем. За эти полгода, что Антонина Павловна была еще жива, Олег устроился на работу, чтобы были деньги на лекарства, которые стоили очень дорого. Но... время бежало быстро, а болезнь никуда не ушла. Антонина Павловна умерла. Олег тогда был на работе, а вернувшись, обнаружил, что мамы больше нет. Похоронив ее, парень через месяц уволился и поступил заочно в институт, а потом устроился на работу в полицию.

Почему он после смерти матери так и не женился, парень и сам не знал. Но девушки у него всегда были — как говорится, для поддержки здоровья. Сделав небольшой ремонт в

квартире, поменяв старую мебель, пропахшую лекарствами и болезнью, Олег Петрович Римский остался жить в одиночестве. Девушек он домой не водил — неудобно: квартира старая, подъезды провоняли кошачьей мочой.

Во вторник Олег, как всегда, приехал на работу раньше остальных, не считая дежурного на первом этаже. Он нажал кнопку на чайнике и сел за стол, включив компьютер. Если день пройдет гладко, ему удастся подшить свои старые дела, чтобы убрать их в архив.

Через полчаса в кабинет вошел Максим. Вид у него был сонный. «Тихая гавань» давно считалась местом нехорошим, и обычно люди здесь подолгу не задерживались. А Максим с женой все еще жили тут. Видимо, парень был кремень.

— Здорово! — сказал Олег, глядя на вялого коллегу.

— И тебе доброе утро, — зевнув, ответил Максим.

— Ты чего такой кислый? Не выспался?

Давыдов махнул рукой.

— Вчера только к вечеру вернулся. Дела пансионата решал, только к двенадцати спать лег. Вот опять на работу. Когда здесь отдыхать?

— А чего так поздно с дежурства вернулся?

— Рапорт переписывал сотню раз. То одно нашего начальника не устраивает, то другое. Вот и сидел, писал сочинение, как в школе. Еще час выслушивал лекцию о своих обязанностях. Что прежде чем выезжать на подобные вызовы самостоятельно, нужно дожидаться коллег. Якобы я не имею права вести расследование, касающееся своей жены. Это считается личной заинтересованностью.

Максим замолчал, сыпанул в кружку кофе и налил кипятка.

— Насчет личной заинтересованности я согласен, но задерживать тебя на вторые сутки — это полный беспредел.

— А ты где вчера был весь день? — спросил Максим, усаживаясь за свой стол.

— А, — отмахнулся Олег, — в детский садик ездил. У них дворник на работу не вышел, заведующая вызвала полицию. А так как она не родственница, писать заявление о его исчезновении не может. Но я пообещал съездить к нему на квартиру, проверить. Вроде как мужик один живет, любит выпить. Она даже адрес дала.

Олег вынул бумажный листок, который со вчерашнего дня лежал в джинсах, и положил на стол.

— Ну и что, поедешь?

Олег пожал плечами.

— Посмотрим, если время будет. Хотел сегодня дела старые подшить и в архив отнести, если ничего такого не будет, и мы спокойно проведем день.

В этот момент в кабинет вошла дознаватель Валентина Павловна, крупная женщина с несуразной внешностью. Женщина подошла к своему столу и бросила на него папку, которая шлепнулась, издав громкий хлопок.

— Ага, — буркнула она, — жди. В дежурке сказали, какой-то мужик звонил, что-то в лесу нашел. Ждет, когда пришлют группу. Я вот шла, меня Андрей попросил вам сообщить, что у вас вызов.

Она искоса посмотрела на Олега, который чертыхнулся и залпом выпил кофе.

— Поехали, — сказал он Максиму, который пытался проснуться.

Парни вышли из кабинета, услышав, как им вслед крикнула Валентина Павловна: «В дежурке точный адрес узнайте».

Парни прихватили на вызов судмедэксперта. Солнце только-только поднялось, но уже было жарко. Служебная машина отдела полиции неторопливо ехала по утренним улицам. Водитель Пашка вел уазик, внимательно глядя на дорогу. Олег сидел рядом с водителем.

Девять утра, а они уже на вызове, да еще каком-то странном. Им сообщили: «Неизвестное большое образование, предположительно труп».

Грибник, сутулый мужичок в выцветшей майке, ждал их у зарослей папоротника, нервно теребя пустую корзинку. Он то и дело озирался, словно чего-то боялся.

Парни вылезли из машины и подошли к мужичку.

— Что тут у нас? — сказал Олег, подходя первым к грибнику.

— Там он, — просипел мужчина, тыча дрожащей рукой в сторону леса. — Я звук услышал. Так бы мимо прошел, ей-богу. Мало ли что здесь водится. Но ветка треснула прямо над головой. Поднял я глаза, да так и сел на мох.

Парни прошли вглубь леса, когда грибник вдруг остановился и указал дрожащей рукой куда-то вверх.

На самом высоком дереве на одной из веток висел кокон.

Это была плотная капсула в человеческий рост, висевшая метрах в трех от земли. Она казалась слепленной из грязной стекловаты, к которой местами прилипли листья и иголки от хвойных деревьев.

В утреннем свете, пробивающемся сквозь кроны, эта жуткая конструкция напоминала гигантскую засушенную личинку неведомого насекомого. От нее исходил тяжелый, тошнотворно-сладкий запах сухой пыли и старого склепа. Лес вокруг этой аномалии замер в абсолютной, звенящей тишине, даже ветер перестал шевелить листья.

Парни, подняв голову, смотрели на странную находку, а судмедэксперт присвистнул. Его брови удивленно поползли вверх.

— Что за штуковина? Как мы это будем снимать? — сказал он напряженно. — Здесь спасателей нужно вызывать, сами вряд ли снимем.

Когда спасатели аккуратно спустили находку на расстеленный брезент, лес содрогнулся от глухого удара. Кокон оказался невероятно тяжелым.

Судмедэксперт Сашка надел перчатки, поморщился и сделал первый разрез. Материал, напоминавший стекловату, оказался мягкой, но плотной паутиной, обмотанной вокруг чего-то твердого. Лезвие вошло в мягкую, пропитанную липким секретом массу. Запах многократно усилился, ударив в ноздри тошнотворным смрадом разложения. Из разреза потянулись тонкие, клейкие нити.

То, что находилось в коконе, заставило Олега отступить на два шага назад и судорожно сглотнуть подкативший к горлу ком. Это был человек. Вернее, то, что от него осталось.

Он лежал, сложив руки на груди, намертво укутанный в седую толщу паутины. Его кожа приобрела цвет старого воска и ссохлась, туго обтянув тело. Лицо превратилось в неподвижную маску вечного ужаса. Глубоко запавшие глазницы были пусты, а рот навсегда застыл в беззвучном крике, обнажив желтые зубы. Левая рука человека была как у мумии: тонкая, почерневшая, хрупкая, состоящая лишь из костей и натянутых до предела сухожилий. Но правая сторона тела еще сохраняла остатки человеческой плоти, хотя тоже начала мумифицироваться. Жуткий вид почти иссохшего человека делал картину абсолютно противоестественной.

Но самым страшным было другое. На шее, где должна была пульсировать сонная артерия, зияли две идеальные дыры, небольшие, около пяти миллиметров. Плоть вокруг них не была разорвана: это были аккуратные проколы, как будто оставленные зубами животного. Казалось, из этого человека будто высосали все, оставив лишь мумифицированное тело.

— Господи... — выдохнул Максим, чувствуя, как холодеют кончики пальцев. — Что это с ним?

Эксперт молча достал фонарик и посветил в две маленьких дырочки на шее. Внутри, в иссохших тканях, не было ни капли крови. Ни спекшейся, ни свежей. Пустота.

— Его как будто высосали, причем не сразу. Видите, вторая половина еще не до конца мумифицировалась? — глухо констатировал Саша, стягивая испачканные в вязком секрете перчатки. — Все это очень странно.

Судмедэксперт смотрел на человека, пытаясь в голове собрать картинку.

— На вид мужчина, немолодой. Смерть наступила примерно ... хм... Даже не могу сказать когда. Тело так сильно иссохло, что определить без вскрытия будет трудно.

Он начал бормотать себе под нос:

— Высосан досуха. До последней капли. Причем сосудистая система разрушена избирательно, без единого разрыва крупных нервных стволов. Кто бы это ни сделал, ему нужна была только жидкая фракция. Мясо и кости оставили.

— Так, давайте, парни, грузите его. Только аккуратно. Будем разбираться.

Он опять замолчал, глядя, как несколько человек подняли кокон с земли и погрузили в труповозку, которую вызвал Максим.

Олег обернулся на притихший лес.

— Что за чертовщина у нас творится?

Максим видел разное, но не такое. Кокон был сплетен из паутины. Но разве бывают пауки размерами с быка? Или их было много? Да и проколы в шее, из которых высосали всю кровь, оставив только плоть, больше походит на... вампиризм? Но вампиры не плетут коконы. Значит, это что-то другое.

— О чем задумался? — спросил Олег, подходя к Максиму.

— Я думаю, как мы это все вывезем?

Глава 3

День выдался тяжелым. Незвестный труп в странном коконе не укладывался в их повседневную жизнь. В этом городке за последние семь лет случалось многое, но такая странная смерть — впервые. Человек высох от потери крови — вернее, ее выкачали из него. Это просто не укладывается в голове. Скорее всего, выкачали кровь и обмотали плотной паутиной, как пауки опутывают своих жертв. Но сколько нужно насекомых, чтобы сотворили такое?

Через три часа в кабинет к парням зашел судмедэксперт Саша. На парне лица не было. Вроде столько всего уже насмотрелся, а сейчас выглядел как студент-первокурсник на первом вскрытии. Лицо бледное, руки подергиваются. Валентина Павловна даже отложила свои дела, увидев состояние Саши.

— Ты чего? — спросил Олег, отрываясь от бумаг.

Саша налил из чайника воды в чашку и сделал пару жадных глотков. Положив на стол заключение и другие документы, он сказал:

— Разное повидал, но такое впервые.

Олег взял заключение и начал читать. С каждой строчкой его глаза расширялись, а брови поднимались все выше.

— М-да, — сказал он, — какой-то бред.

— Полный бред, — отозвался Саша.

Олег протянул руку и вынул из пакета паспорт.

— Виталий Георгиевич Сомов, — прочитал он вслух, — шестьдесят лет, проживает...

Олег нахмурился, а потом начал рыскать у себя на столе.

— Ты что ищешь? — спросил у него Саша.

— Лист бумаги, такой небольшой, мне его заведующая детским садом давала. Где он?

На пол посыпались карандаши и ручки.

— Вот! Нашел! Виталий Георгиевич Сомов.

— И?

Олег перевел взгляд на Максима.

— Это тот самый, который не вышел на работу. Помнишь, я тебе рассказывал? Он работал в детском садике сторожем. Мне заведующая позвонила... Так, нужно навеститься к ней, показать фото. Если это он, значит...

— Значит, его убило гигантское насекомое, — завершил Саша.

— Значит, мы установили личность погибшего, — сказал Олег. — Так, я поеду в детский сад, а ты, Макс, давай к нему домой. Нужно опросить соседей.

Парни вышли из кабинета, оставив судмедэксперта с дознавателем Валентиной Павловной.

Женщина смотрела в окно и вздыхала, а Саша отправился с докладом к начальству. Ему нужно было обрисовать ситуацию очень аккуратно, чтобы его не отправили на проверку профпригодности. Не может же он сказать о гигантском насекомом. Должно быть логическое объяснение тому, что они обнаружили. Парни выскочили из кабинета, даже не вчитавшись в доклад. На шее трупа, в месте прокола, нашли следы слюны. Женской. Это еще больше удивляло. Что это за женщина, высасывающая кровь и заворачивающая свою жертву в кокон?

Олег Римский подъехал к детскому саду под названием «Солнышко», который находился в десяти минутах езды от их отделения полиции. На входе в здание их встретил мужчина, видно сторож. Узнав, что Олег из полиции и ему нужна заведующая детским садиком, проводил его до кабинета.

— Добрый день, — сказала женщина пятидесяти лет и сняла очки с носа.

— Здравствуйте. Я капитан полиции Олег Петрович Римский. — Парень вынул удостоверение и показал его женщине.

— Как же, помню, помню. Я просила вас разузнать о нашем стороже, который не вышел на работу. Так что, нашли этого пьяницу? Небось где-нибудь с друзьями отдыхает и морально разлагается.

Олег дослушал заведующую и, сев на предложенный стул, сказал:

— Вы правы, он разлагается, то есть уже разложился. Но в другом смысле. Как вас... ммм....

— Римма Яковлевна.

— Да. Так вот, Римма Яковлевна. Ваш сторож Виталий Георгиевич Сомов сегодня был найден мертвым недалеко от своего дома. В лесополосе.

Женщина вздрогнула. Глаза округлились, лицо вытянулось. Она закрыла глаза и помяла переносицу двумя пальцами.

— Как это произошло? Отравился алкоголем, убили?

— Извините, Римма Яковлевна, не могу вам этого рассказать. Тайна следствия. Вы же понимаете. Но у меня к вам будут вопросы.

— Да. Конечно.

— Римма Яковлевна, расскажите, как давно у вас работает Виталий Георгиевич?

Женщина задумалась на несколько секунд и начала рассказывать о стороже. Он пришел сам, его никто не рекомендовал. С виду показался вежливым, опрятным, ответственным человеком. Вдовец. Говорил, что пенсия маленькая, да и дома одному тоска зеленая. Детей им с женой бог не дал, вот и сидит один в четырех стенах.

Римма Яковлевна сжалась над пожилым человеком. Вроде с виду вполне нормальный. Но через месяц она стала замечать, что от него пахнет алкоголем. Женщина решила, что ей показалось. Вряд ли такой приличный с виду мужчина придет в детское учреждение с похмелья. Но... Вскоре ее подозрения подтвердились: сторож оказался пьющим. А заменить нечем. Кто пойдет на такую зарплату? Одни пенсионеры и идут, да и то не все.

— Вы знаете, — устало вздохнула заведующая, — мне его даже жаль. Если что сделать в детском саду, так он мастер на все руки. И песочницу починит, и заборчик покрасит, машину с продуктами поможет выгрузить. Руки золотые. Наверно, любовь к горячительному его сгубила. Он после своей последней смены здесь, в саду, почти до вечера ошивался. Да вы у Анатолия, сторожа, который его менял, спросите. Может, он вам что подскажет.

Олег поблагодарил заведующую и вышел из кабинета. На улице он увидел сторожа Анатолия. Мужчина сидел на лавочке и что-то чинил. Олег подошел к нему и спросил:

— Вы Анатолий, тот самый, который сменил Виталия Георгиевича?

Мужчина поднялся, машинально стянул кепку с головы и улыбнулся. На вид ему было около семидесяти лет. Плотного телосложения, с лысиной на голове, по бокам которой росли редкие седые волосы. Олег обратил внимание, что ладони у него были огромные, а пальцы толстые, как сосиски. Такой если схватит — вмиг скрутит одной рукой, а то и шею свернет, несмотря на пожилой возраст.

— Да, это я. Нашли, что ли, Витальку?

— Нашли. Я поэтому и пришел к вам. Поговорить хотел о том дне, когда он уходил с работы. Вы ничего за ним странного не наблюдали? Может, взволнован был или собирался куда?

Мужчина нервно затеребил кепку и вновь сел на лавочку.

— Натворил, что ли, что-то?

— Нет. Сегодня утром его нашли в лесу мертвым.

Олег наблюдал за реакцией сторожа, но у того от неожиданности глаза округлились, а челюсть отвисла.

— Во дела! Как же это так? Он хорошим мужиком был. Кто же его? Что за ирод?

— Извините, не могу сказать обо всем. Тайна следствия. Сами понимаете.

— Ну да, ну да.

— Так что, расскажете о том дне?

Мужчина почесал затылок, вспоминая смену, и рассказал обо всем, что припомнил в тот день. Только вот ничего нового Олег не узнал. Ну, задержался Виталий Георгиевич, как сказал Анатолий, «по своим соображениям». Делать ему дома все равно нечего было. Жил один. Он здесь по двору помог, позавтракал, обедом угостился, а потом вдруг как будто что-то вспомнил. Разулыбался такой и говорит: «Пойду я, Николай. Дела появились у меня». Но вот какие — не сказал. Но ушел довольный. Может, в гости к кому пошел, а потом не вышел на работу.

— И вот вы приехали, говорите, что помер. Эх, Виталя, Виталя! Ведь неплохой мужик был, мастер на все руки. Хоть и любил выпить. Эх, чего уж об этом говорить...

Олег попрощался со сторожем и вышел за калитку детского учреждения. Машина была припаркована неподалеку, но вначале он решил созвониться с Максимом. Набрав номер коллеги, он услышал в трубке, что абонент недоступен. Странно, где он может быть? Вроде поехал по месту жительства Сомова. Набрав номер телефона своего кабинета, услышал голос Валентины Павловны. Женщина явно что-то жевала, с трудом выговаривая слова. Олег усмехнулся. Кто-кто, а их дознаватель без обеда точно не останется.

— Валентина Павловна, не могли бы вы мне напомнить адрес нашего покойника? Хочу доехать до его места проживания.

— Туда же Давыдов отправился, — прожевав что-то, ответила женщина.

— Ну так понятно, только он трубку не берет.

— Записывай, — без лишних вопросов ответила Валентина Павловна.

Олег подъехал к дому, возле которого еще утром они были всем составом, когда блуждали по лесу, где нашли труп.

Две старушки сидели возле подъезда, о чем-то мило беседуя. Олег подошел к ним и расплылся в своей самой лучезарной улыбке.

— Добрый день, дамы, — сказал он и вытащил удостоверение, — Римский Олег Петрович.

Женщины изучили удостоверение. Одна кивнула в сторону парня и сказала:

— Погляди, Матвеевна, еще один, сыщик.

Вторая старушка закивала головой.

— Значит, вы видели моего напарника? — поинтересовался Олег.

— А как же. Даже беседовали с ним.

Римский вновь улыбнулся.

— А не подскажете, куда он ушел? Может, он что-то сказал, или вы видели, куда он направился? Что-то я до него дозвониться не могу.

— А как же, видели. Он, когда с нами побеседовал, в сторону лесополосы и пошел. Там, — старушка указала рукой на сетку-рабицу, — дырка в заборе. Так он пролез и в лес напрямик пошел. Больше мы его не видели.

— А давно это было?

— Так минут сорок назад.

— И больше не появлялся?

— Нет, — хором ответили старушки.

Олег посмотрел в направлении, указанном женщинами. Зачем Максим вновь туда направился? Красные ленты, которыми огородили место преступления, отсюда не просматривались, Давыдов уже сорок минут как ушел и не возвращался, и телефон недоступен. У Олега возникло нехорошее предчувствие. Парень попрощался с женщинами и пошел в сторону лесополосы.

Максим выехал из отдела и направился по указанному адресу. У Сомова, помимо паспорта, нашли ключи от квартиры и пропуск из детского сада.

Добравшись до места, Максим увидел четыре пятиэтажки. У трех из них подъезды смотрели во двор, а у одной — на тот самый лес, в котором нашли труп. Это было странным. Максим припарковал машину и медленно обошел нужный дом, в котором было четыре подъезда. Виталий Георгиевич Сомов проживал во втором. Будний день, большинство жильцов должны быть на работе. Но дом старый, а значит, и пенсионеры найдутся.

В подъезде облупилась краска, пахло плесенью и кошачьей мочой. Поднявшись на третий этаж, Максим достал ключи Сомова и начал подбирать подходящий. В связке их было три, и какой из них от квартиры, он не знал.

Максим, наконец, добрался до третьего ключа, и замок щелкнул. В это время соседская дверь открылась и из нее высунулась голова старушки. Она была в легком цветастом халате, домашних тапочках и коричневых гольфах. Короткие седые волосы собраны под ободком на голове.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался Максим.

— Вы кто такой? — неожиданно громко сказала старушка. — Я щас полицию вызову. Вы почему в чужую квартиру лезете?

Максим вынул удостоверение из заднего кармана джинсов и показал старушке.

— Капитан Давыдов. Я здесь, чтобы осмотреть квартиру Сомова Виталия Георгиевича.

— А сам он где, этот пропойца? Давича вечером видела его с авоськой. Наверное, с бутылкой из магазина шел.

Максим выгнул бровь и усмехнулся. И когда только старушки успевают все видеть и слышать?

— Когда, говорите, вы его видели последний раз?

— Вчерась, вечером. Солнце уже садилось, и он шел домой по дорожке к дому. А что такое? С ним что-то случилось?

Максим вздохнул. Не любил он приносить плохие новости.

— К сожалению, вашего соседа вчера нашли мертвым. Но, что и как, сказать не могу, тайна следствия, — ответил Максим, видя, что старушка хотела задать ему какой-то вопрос.

Женщина прижала ладонь ко рту и покачала головой.

— Ох, Виталий, Виталий. Что же тебе спокойно-то не жилось?

— А вас как звать, простите?

— Мария Ивановна я.

Максим, стоявший возле квартиры, сказал:

— Мария Ивановна, давайте я сейчас осмотрю квартиру покойного, а потом к вам загляну, и вы мне расскажете о вчерашнем дне. Хорошо?

Женщина кивнула, и быстро ретировалась в свою квартиру. Через несколько секунд из ее квартиры послышался голос.

— Катерин, ты слышала, сосед-то мой дуба дал... да... нашли, говорят мертвого... ага... допился... да как откуда знаю, к нему, сейчас полицейский пришел... да... меня опрашивал.

Максим покачал головой и вошел в квартиру Сомова.

Запах алкоголя витал повсюду, казалось, он въелся в стены и мебель. Максим поморщился. Окна были закрыты, квартиру давно не проветривали. Видимо, пожилой вдовец Сомов был равнодушен к уюту.

Не разуваясь, Давыдов прошел на кухню. На столе стояла пустая тарелка с хлебными крошками и вялым соленым огурцом. На полу валялась пустая бутылка из-под горячительного.

Осмотрев старую кухню с засаленными занавесками, горой посуды в раковине и давно не мытой газовой плитой, Максим прошел в следующую комнату. Это была спальня. Две кровати, одна не застелена, одеяло наполовину сползло на пол, а постельное белье буквально кричало:

«постирай меня». Осмотрев комнату, Максим направился в гостиную. Старый диван, покрытый потертым пледом. Два кресла времен СССР, сервант и шкаф. За стеклянными дверцами серванта стояла фотография Сомова и какой-то женщины не первой молодости, судя по всему, его покойной жены.

Максим вынул фотографию из рамочки и, сложив вдвое, убрал в задний карман штанов.

Осмотрев ванную с туалетом и не найдя ничего интересного, Максим вышел из квартиры и запер ее. Позвонил несколько раз в соседскую дверь, подождал, но ему никто не открыл. Видимо, дома уже никого не было.

Давыдов вышел на улицу и увидел Марию Ивановну в компании такой же старушки. Они сидели на лавочке перед домом и что-то бурно обсуждали.

— Ой, добрый вечер, капитан. А я думаю, дай быстро за хлебушком сбегаю и домой вернусь. Вы же обещали зайти, опросить меня. А тут Екатерина Валерьевна встретила. Вот мы и сцепились языками.

Максим посмотрел на двух старушек и сдержал улыбку. Ни хлеба, ни пакета, ни даже намек на какую-то поклажу не было. Просто Марии Ивановне очень хотелось обсудить смерть их соседа со своей подругой, вот она и выскочила во двор. Но, видимо, не думала, что Максим так быстро управится.

— Ничего страшного, — ответил Давыдов, — можно и здесь пообщаться. Тем более ваша соседка, наверное, тоже может рассказать о Сомове.

Екатерина Валерьевна закивала головой: «угу, угу».

Капитану даже не пришлось задавать наводящие вопросы. Старушки, перебивая друг друга, рассказали все, что знали о жизни Виталия Георгиевича Сомова. Как он переехал жить к супруге, как стал пить, потому что бог не дал им детей. Рассказали и о его супруге, в основном только хорошее. Жена Сомова сильно болела в последние годы, а супруг ее только и знал, что к бутылке прикладывался почти каждый день. А как ушел на пенсию, так совсем съехал с катушек. Трезвым соседки его почти не видели. Слава богу, супруга его не дождала до этих дней. Отдала богу душеньку раньше этого кошмара.

Неизвестно, сколько бы это продолжалось, но Максим все же умудрился вставить свой вопрос в поток рассказов.

— Подскажите, пожалуйста, Мария Ивановна: вы говорили, что видели своего соседа в этот день. Опишите, пожалуйста, что именно вы видели?

Женщина, как ученица в школе, сложила руки на коленях и начала рассказывать.

Она в этот день белье стирала, ближе к вечеру уже. Днем то она кушать готовила и отдыхала, а еще к Катерине Валерьевне забегала за солью. Они посидели, попили чай, вспомнили о былой жизни...

— Мария Ивановна, давайте ближе к Сомову, — прервал ее Максим, понимая, что сейчас начнется рассказ о ее жизни и молодости.

— Ой, извините, увлеклась. Так вот...

Пошла она развешивать белье на балкон. Ее окна выходят как раз на лес и подъезд. Дом этот построили самый первый, а потом остальные три пятиэтажки возвели. И кто же такой криворукий, что выстроил дом подъездами не во двор, а на лес? Тут они с Катериной Валерьевной вновь сцепились языками, возмущаясь расположением своего дома и его проектировщиками, которые, видно, пили без устали. Максим кашлянул, и женщина, спохватившись, продолжила:

— Стою я, значит, на балконе, смотрю, из-за угла Виталька идет. В руках авоська. Я даже на балконе слышала, как бутылки позвякивали друг о друга. О, думаю, значит, опять пить собрался. Горе горемычное. И как его только в детский садик сторожем взяли работать? Так вот...

Сомов шел по дорожке к своему дому. Лицо его светилось от счастья, видимо, уже представлял, как заливает в горло спиртное. Мария Ивановна в это время уже белье развесила и

хотела уйти с балкона. И тут бросила взгляд на улицу и увидела, что Сомов почему-то остановился и смотрит в сторону леса. Старушка удивилась: что он там интересного увидел? Посмотрела туда же, куда и Сомов, но там не было ничего интересного — деревья да кусты. К тому же вечерело, было плохо видно. И тут Сомов вдруг пошел в сторону леса. Пролез сквозь дыру в сетке-рабице и скрылся в темной чаще.

— Мария Ивановна, вы не знаете, может, он говорил что-то или его кто-то позвал?

Старушка задумалась, а потом сказала.

— Он крикнул что-то вроде: «Сейчас, погоди, я тебе помогу». Хотя, может, мне это послышалось. Кому он собирался помочь, ума не приложу. Никого там не было, это точно.

Максим задумался. Ну хоть что-то. Значит, Сомов хотел кому-то помочь в лесу. Получается, что его позвали.

Максим поблагодарил милых старушек и направился в сторону леса, где они были еще утром. Место он помнит, найдет.

Лес пах прелой хвоей и прохладой. Был уже вечер, но на улице было жарко. Лес всасывал звуки, как болотная топь. Максим брёл по лесу, оставляя за собой следы на влажном мху. В памяти всплывало иссохшее лицо мужчины и его почти высохшее тело, туго спелёнутое серыми, влажными волокнами, похожими на гигантскую паутину. Этот жуткий кокон мерно покачивался на толстом суку старой ели, словно чудовищный маятник отсчитывал время до конца света.

Вот она, красная пластиковая лента. Она перечеркивала место преступления неровной границей, зацепив несколько стволов деревьев. Максим опустился на корточки прямо у предупреждающей черты. Его пальцы машинально ощупали примятую траву и холодную землю под прошлогодними листьями. Ничего. Ни следов борьбы, ни запаха табака или парфюма. Только аромат хвои да грибов, которые здесь пытался найти тот лысоватый мужичок. А вместо них нашел труп.

Максим подошёл вплотную к стволу той самой ели, на которой висел кокон с Сомовым. Кора здесь была содрана длинными, глубокими бороздами. Максим включил фонарик на телефоне и провел по ним лучом света. Это были не следы какого-то крупного животного, медведя или волка. Слишком тонкие и не сильно глубокие. Они тянулись по стволу вверх, до того самого места, где был подвешен мужчина. На высоте человеческого роста он заметил свежий скол древесины, а под деревом — примятую траву. Видимо, на ней лежало тело жертвы. Потом ее упаковали в кокон и затащили наверх. Но кто мог такое сделать со взрослым крупным мужчиной? Максим слегка напрягся. Неужели опять новое существо? Саня прав: такой кокон может сплести только паук, но каких же размеров он должен быть, чтобы сотворить такое? Думать об этом не хотелось.

Тишина стала плотной, осязаемой. Исчез даже привычный гул комаров. Лес затаил дыхание, превратившись в колоссальную ловушку. И в этой звенящей пустоте за спиной оглушительно треснула сухая ветка. Хруст прозвучал как выстрел из пистолета.

Максима будто пронзило ледяной иглой где-то в районе лопаток. Мышцы сработали быстрее мысли. Тело само развернулось, рука хищным движением метнулась к кобуре. Ладонь привычно сжала холодную сталь, палец лёг на спусковой крючок.

Но за спиной никого не было. Максим вновь включил фонарик на телефоне. Луч света полоснул по зарослям можжевельника, выхватывая лишь густые тени.

От полной тишины Максиму было не по себе. И вдруг раздался вибрирующий свист рассекаемого воздуха. Что-то тяжёлое и невидимое рухнуло на него будто прямо с небес.

Острая, раскаленная боль вспорола левую щеку от скулы до уголка рта. Брызнула горячая кровь, мгновенно заливая губы соленым привкусом. Максим рефлекторно дернулся назад, слепо нажимая на спуск. Выстрел грохотом разорвал вечернее нутро леса, но пуля ушла в глухую черноту крон.

Второй удар обрушился на затылок. Ударили чем-то массивным, бугристым: то ли веткой от дерева, то ли бревном. Череп взорвался изнутри миллионами белых искр. Колени предательски подогнулись, земля стремительно качнулась навстречу Максиму. Оружие выскользнуло из ослабевших пальцев и беззвучно упало на землю. Перед тем, как непроглядная мгла сомкнулась над ним, Максим успел почувствовать тяжелый, гниющий выдох прямо над его ухом и ощущение сотен тонких, цепких щетинок, оплетающих его плечи. А затем наступила темнота.

Глава 4

Проводив Максима на работу, Марина выглянула в окно спальни. Озеро покрылось серой дымкой тумана. Вроде красиво, но в то же время страшно. Что скрывает в себе эта водная гладь, какие тайны хранят глубины озера? Марина точно знала, что в прошлый раз она видела Настасью, девушку, которая ее преследует с самого города. Чего она хочет? Почему в прошлый раз она помогла ей? Эти вопросы пока оставались без ответов, но с ними Марина обязательно разберется. А пока нужно найти того, кто оставил ей в наследство этот странный пансионат. С этим тоже было не все гладко. Место было полно тайн. Постояльцы — люди непростые, с положением, с деньгами. Разного возраста — есть и пожилые, и молодые с детьми. Но все они при деньгах.

В дверь постучали. Девушка вздрогнула. Она никак не могла привыкнуть, что в половине девятого приходит горничная Виолетта Львовна, чтобы убрать их VIP-домик. Как Марина ни противилась, как ни объясняла, что сама может навести порядок, ничего поделывать не могла. Положено горничной приходить убирать номера, она это и делает.

— Доброе утро, Марина Константиновна, — сказала женщина.

— Здравствуйте Виолетта Львовна. Как ваши дела? Сегодня вы чуть раньше обычного.

— Все хорошо. Сегодня решила пораньше начать. Хотела отпроситься пораньше. Домой нужно. Дела. Придет мастер, водопровод чинить. Дом у нас старый, трубы все проржавели. Вчера приехала домой и чуть потоп не устроила. ЖЭУ работает до семи, пришлось аравийку вызывать. Утром в восемь им позвонила, обещали с шести до семи прийти починить трубу.... Ой... простите, заговорила я вас совсем. Вы же куда-то собирались, наверное.

Марина улыбнулась.

— Да куда я тут могу пойти? Разве что в свой кабинет.

— Вам завтрак сюда попросить принести?

— Нет, спасибо, Виолетта Львовна, я люблю завтракать в обеденном зале, со всеми. Так ближе к людям и видно, кому что нравится.

Марина улыбнулась, надела светлые босоножки и вышла из домика.

Утро в пансионате каждый раз начиналось одинаково. Отдыхающие спускались к завтраку в одно и то же время. Любители поваляться подольше приходили ближе к десяти. Их тоже обслуживали официанты, на стол ставились новые приборы, горячие блюда и всегда свежие фрукты. Завтрак длился с девяти до десяти утра. Все укладывались в это время. Официанты терпеливо ждали каждого, а потом убирали со стола.

Сегодня в меню был омлет, который у Елены Андреевны всегда получался просто великолепным, — пышный, воздушный. Ну и как же без каши. Овсянка с фруктами и тыквенная.

В обеденном зале уже был народ. Официантка бегала между столиками, принимая заказы.

Сев на свое место, Марина обвела взглядом обеденный зал. Неподалеку от нее сидела пара с двумя детьми-подростками, девочкой и мальчиком лет двенадцати.

— Мама, я не хочу кашу, — скривилась девочка, — беее...

— Милана, не веди себя так за столом. Выбирай: каша с тыквой или с фруктами. Омлет ты ела вчера.

— Ну я не хочуууу... — канючила девочка.

— Девушка, — позвала женщина Евгению, которая носилась с подносами между столиками, — подойдите, пожалуйста.

Евгения поставила очередную порцию на стол пожилой паре и подошла к женщине.

— Подскажите, а у вас ничего больше нет, кроме каши и омлета? Вчера тоже были омлет и каша, только другая.

— К сожалению, нет. Завтра, возможно, будут олады.

— Безобразие, — возмутилась женщина, — где сырники, где творожная запеканка, где ваши обещанные блины с разными начинками? Все это было указано на сайте. Где, в конце концов, олады? Хорошо еще, что нарезки есть и теплые круассаны. Хотя чем-то можно накормить ребенка?

— Вашей девочке полезнее была бы каша, — послышался голос какой-то пожилой женщины, которая сидела за спиной семейной пары с детьми и слышала разговор.

— А вас я попрошу, не лезть куда не просят.

— Какая хамоватая особа, — сказала старушка, уже обращаясь к своему супругу, — потому и дети такие невоспитанные. Нет ничего полезнее каши.

— Вот и ешьте свою кашу, а мы платим такие огромные деньги не для того, чтобы каждый день питаться геркулесом и тыквой.

Женщина вытерла салфеткой рот и кинула ее на стол. Супруг, сидевший за столом, ел свой омлет и запивал его кофе.

— Ну мама, — снова начала девочка и в это время в обеденный зал вошла Ирина Андреевна. Девушка обвела взглядом помещение и, увидев Марину, пошла к столику, за которым она сидела.

К этому времени семейная пара вылезла из-за стола и направилась в сторону выхода. Девочка прихватила с собой пару булочек.

— Что тут произошло? — спросила Ирина Андреевна, усаживаясь за стол. — Эта женщина вышла с таким недовольным лицом...

Марина ковыряла ложкой кашу. Ирина Андреевна попросила официантку принести ей омлет.

— Вы знаете, она недовольна нашими завтраками. Говорит, второй день каша их семью не устраивает. Хотя недовольна была только девочка. Папа с сыном прекрасно позавтракали, а вот мама решила поскандальить.

Ирина Андреевна опустила глаза.

— Ирина Андреевна, что происходит? Насколько я помню, у нас есть поставщик, у которого мы покупаем молочную продукцию. Но сегодня я поняла, что мы действительно давно не ели ни блинчиков, ни творожной запеканки. У нас что, коровы перестали доиться, или деревня, в которой мы берем молочку, переехала?

Управляющая помолчала пару секунд, а потом подняла глаза и посмотрела на Марину сквозь прозрачные линзы очков.

— Не хотела вам говорить, но Никита Андреевич приболел. Он отпросился к врачу, а его положили в больницу. Вроде ничего серьезного, но нужно несколько дней полежать, чтобы обследоваться.

— Что-то серьезное? — нахмурилась Марина.

— Никита Андреевич не вдавался в подробности, но вроде нет.

— Понятно, почему его давно не видно. Жаль, конечно. И отдыхающих некому отвезти на лодке на середину озера... Ну да ладно, придумаем что-нибудь. А вот с молочной продукцией надо что-то решать.

— Надо, — ответила Ирина Андреевна, — только вот что. В эту деревню, кроме нашего заведующего по хозяйственной части, никто не ходил. Никто не знает, у кого брать продукцию. Только он мог и...

— И я, — ответила Марина. — Да, да. Не смотрите на меня так. Я знаю, у кого он что брал, и могу завтра утром съездить в эту деревню. Только мне еще кто-нибудь нужен. Боюсь, одна не дотащу.

— Я даже не знаю, кто из персонала сможет. Но я уточню. В пансионате и так дел по горло.

— Давайте я с собой возьму Светлану Георгиевну. А что? Она же ваша помощница, вот пусть мне и поможет.

Управляющая от такого заявления поперхнулась кофе. В этот момент подошла официантка и поставила завтрак на стол.

— Марина Константиновна, туда не все могут дойти, если вы хотите ехать на машине или автобусе. Можно заплутать, — встряла в разговор официантка Евгения. — Говорят, заплутаешь, а в эту самую странную деревню не попадешь.

— Ну, мы же с Никитой Андреевичем как-то находили туда дорогу.

— Так вы на лодке да через лес. А там по дороге, и потом три километра еще до деревни. Ой, страшное место, говорят.

— Кто говорит? — вдруг спросила Ирина Андреевна.

— Да все.

— Ничего подобного, — сказала Марина, вытирая рот салфеткой, — обычные люди, только немного странные. Ладно, спасибо, Женечка, за завтрак. Ирина Андреевна, вам спасибо за компанию. Пойду работать. Позже загляну к Светлане Георгиевне.

Марина вышла из-за стола. Девушки проводили ее удивленными взглядами.

Время приближалось к обеду, когда Марина вдруг вспомнила, что хотела поговорить с помощницей управляющей. Кабинет, который Светлана Георгиевна делила с Ириной Андреевной, был рядом, за углом.

Марина свернула за угол, дошла до кабинета управляющей и уже хотела постучать, но рука замерла в воздухе. У Светланы Георгиевны кто-то был.

— Послушайте, — говорила девушка своим волшебным, обволакивающим голосом, — все хорошо. Вам все нравится. Вы просто придумали себе что-то.

— Мне все нравится, — повторил за помощницей до боли знакомый голос, — я действительно все придумала. Простите меня, Светлана Георгиевна. Я пойду, а то дети ждут. Мы еще хотели сходить на озеро.

— Я очень рада, что вам у нас нравится. Всего доброго.

Марина поняла, что сейчас откроется дверь, и, быстро развернувшись, бросилась за угол к своему кабинету. Она встала спиной к двери, как будто только вышла из него. Вскоре из-за угла вышла та самая женщина, которая утром устроила в обеденном зале скандал.

Марина поздоровалась с ней и вновь вернулась к кабинету помощницы.

Открыв дверь, она увидела Светлану Георгиевну, стоящую напротив окна. Девушка смотрела на территорию пансионата.

Марина открыла было рот, чтобы поздороваться, но девушка ее опередила. Она глубоко вздохнула и сказала:

— Добрый день, Марина Константиновна, сегодня не виделись.

— Да. Вы не приходили на завтрак.

— Поздно встала, да и не сильно хотелось есть. Слежу за фигурой.

Её голос, томный, успокаивающий, был таким приятным, что Марина на время забыла, зачем пришла.

Золотистые глаза помощницы управляющей смотрели на нее из-под очков гипнотическим взглядом. Девушка улыбалась.

— Вы пришли узнать, почему я не была на завтраке, или что-то хотели?

Марина вернулась в реальность. Да что это с ней?

— Да... то есть нет. Я сегодня узнала, что Никита Андреевич находится в больнице и пробудет там еще несколько дней. Некому съездить за молочной продукцией. Только он ездил в деревню Пустошь. Как оказалось, что кроме него и ... меня, никто не знает, где брать молоко и творог. Так вот, поговорив с Ириной Андреевной, я решила сама съездить за продукцией.

Марина замолчала. Светлана Георгиевна выгнула одну бровь в удивлении, не понимая, чего от нее хочет владелица пансионатом.

— Ах, да. Я хотела, чтобы вы мне помогли и съездили со мной. Как я поняла, все остальные очень заняты. А вы все же помощница управляющей.

Лицо Светланы Георгиевны стало недовольным, хотя девушка пыталась это скрыть.

— Марина Константиновна, я не смогу с вами пойти. Вы же знаете, что я работаю по совместительству психологом, и у меня завтра с самого утра начинается прием. Причем будет несколько человек. Так что я буду занята и не смогу пойти с вами. Отложить или перенести запись тоже не могу. Люди платят нам за эти сеансы большие деньги. Вы же бухгалтер, наверное, видели, какие суммы приходят на счет. Может, лучшеждемся, когда выпишут Никиту Андреевича?

Марина улыбнулась краешком губ и ответила:

— Вы правы, людям не стоит ждать. Они же купили ваши услуги. Не переживайте, сама доеду. Жаль, машины нет. Ну, ничего, возьму с собой какую-нибудь авоську и доеду на автобусе. Хоть молока привезу, чтобы на утро нам блинов нажарили. Все же люди платят огромные деньги. Вы, как я понимаю, лично занимаетесь рекламой нашего пансионата и указываете молочные завтраки, которых сейчас нет в меню.

Помощница хотела что-то сказать, но Марина развернулась и вышла из кабинета. Она чувствовала, что в ней закипают злость и обида. Что эта девица о себе возомнила? Почувствовав, как кровь горячим потоком побежала по венам, Марина сделала два глубоких вдоха, пытаясь успокоить разбушевавшуюся силу. Нельзя, чтобы злость овладела ею, тогда жди беды. Ничего страшного, сама доберется.

Девушка ушла в свой кабинет и до вечера работала с отчетами.

На ужин были замечательная картофельная запеканка и суфле из белой рыбы. Перекусив, Марина вернулась к себе в домик. Позвонила Максиму, но он так и не взял трубку. Девушка отправилась в душ. Когда она вернулась, у нее всю звонил мобильный. Номер бы городским, незнакомым.

— Слушаю, — сказала Марина.

— Добрый вечер, — услышался мужской голос, — вас беспокоит врач городской больницы. Давыдов Максим Николаевич кем вам приходится?

— Супруг, — еле выдавила из себя Марина, почувствовав, как пальцы рук похолодели, а внутри все сжалось от плохого предчувствия.

— Не могли бы вы приехать к нам в больницу? Ваш супруг меня не слушает, может, вас услышит. После черепно-мозговой травмы головы.

— Сейчас приеду, — коротко ответила Марина и сбросила вызов.

После звонка врача Марина наспех надела легкие светлые штаны, майку и, взяв сумку и телефон, выскочила из домика. На пропускном режиме сегодня работал Алексей. Он поздоровался с ней и открыл калитку.

Девушка почти бегом добежала до автобусной остановки. Она знала, что в этом месте трудно вызвать такси. Местные рано заканчивают, да их не так и много. Городок небольшой, поэтому особой нужды в извозчиках нет.

Девушка с нетерпением дожидалась автобуса. Наконец к остановке подъехал старый шумный ПАЗик, и Марина буквально влетела внутрь, чем очень удивила водителя. Время приближалось к десяти вечера, автобус, похоже, был последним. Как она будет добираться обратно, Марина не думала. Главное сейчас — добраться до городской больницы и узнать, что с ее супругом.

Автобус доехал до конечной остановки. Марина узнала у пассажиров, как добраться до больницы, и дождалась нужного ей восемнадцатого автобуса.

Городская больница оказалась трехэтажным зданием, не маленьким, но и не таким большим, как в ее родном городе. Рядом стояли две машины скорой медицинской помощи. Марина вошла в приемный покой и сбивчиво принялась объяснять, что ей нужно. Девушка лет двадцати пяти, сидевшая на приеме, вытаращила глаза:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.